

12+

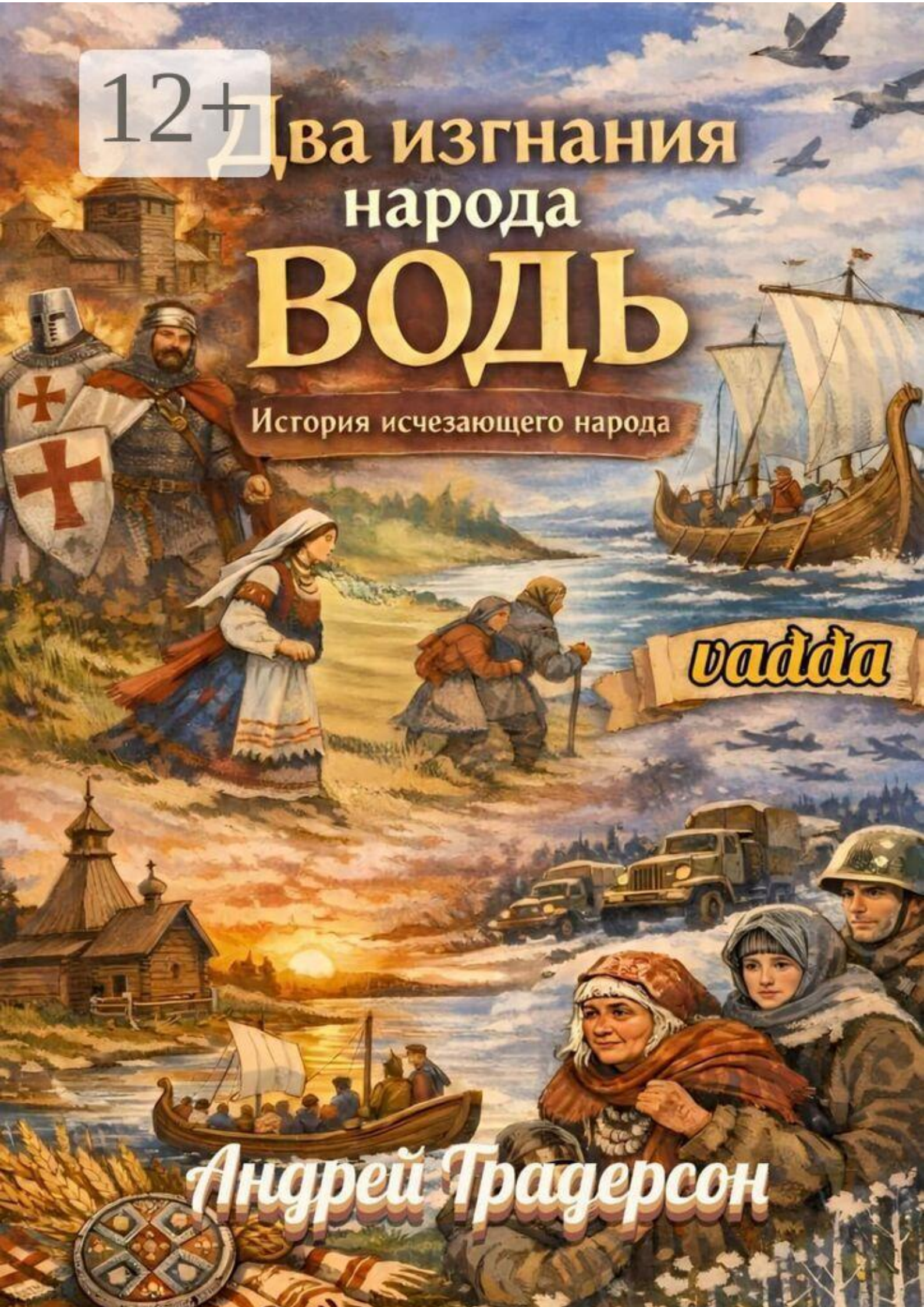
Два изгнания
народа

ВОДЬ

История исчезающего народа

vaddda

Андрей Традерсон

Андрей Традерсон

**Два изгнания народа водь.
История исчезающего народа**

«Издательские решения»

Традерсон А.

Два изгнания народа воль. История исчезающего народа /
А. Традерсон — «Издательские решения»,

Эта книга раскрывает трагическую историю народа воль, пережившего два масштабных изгнания: в 1444 году в Курляндию Ливонским орденом и в 1943—1944 годах в Эстонию и Финляндию во время Второй мировой войны. На основе исторических документов, архивных материалов и свидетельств очевидцев автор восстанавливает забытые страницы истории одного из древнейших финно-угорских народов Северо-Запада России.

Содержание

Содержание	6
Цель и методология исследования	8
Хронологические и географические рамки повествования	10
Трудности и лакуны в изучении темы	11
Хозяйство, вера и быт у моря	15
Археология как голос предков	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Два изгнания народа водь. История исчезающего народа

Андрей Традерсон

© Андрей Традерсон, 2026

ISBN 978-5-0070-6757-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Два изгнания народа водь. История исчезающего народа

Эта книга раскрывает трагическую историю народа водь, пережившего два масштабных изгнания: в 1444 году в Курляндию Ливонским орденом и в 1943—1944 годах в Эстонию и Финляндию во время Второй мировой войны. На основе исторических документов, архивных материалов и свидетельств очевидцев автор восстанавливает забытые страницы истории одного из древнейших финно-угорских народов Северо-Запада России.

Содержание

Два изгнания народа водь: История исчезающего народа

Эта книга раскрывает трагическую историю народа водь, пережившего два масштабных изгнания: в 1444 году в Курляндию Ливонским орденом и в 1943—1944 годах в Эстонию и Финляндию во время Второй мировой войны. На основе исторических документов, архивных материалов и свидетельств очевидцев автор восстанавливает забытые страницы истории одного из древнейших финно-угорских народов Северо-Запада России.

Введение: Народ водь и его забытая история

Цель и методология исследования

Народ водь: Краткий этнолингвистический портрет

Хронологические и географические рамки повествования

Трудности и лакуны в изучении темы

Почему эта история важна сегодня?

Корни у моря: Водь в истории Ингерманландии до XV века

Имя из летописи: первые упоминания

Водская пятина: административный каркас родины

Хозяйство, вера и быт у моря

Лица из небытия: персональная история води

Археология как голос предков

Накануне бури: водь к середине XV века

Первый исход: Ливонский орден и угон в Курляндию (1444)

Кревины: Жизнь и исчезновение водской диаспоры в Латвии

Новый дом в чужих краях: обустройство кревинов в Курляндии

Язык как крепость: особенности кревинского говора

Между молотом и наковальней: ассимиляционное давление

Последние свидетели: XX век и финал

Наследие, запечатлённое в земле и слове

Уроки пятисотлетнего рассеяния

Между двух бурь: Водь в Ингерманландии с XV по начало XX века

Водская пятина после Новгорода: между Москвой и Ревелем

Христианизация и двоеверие: крест над священной рощей

Цифры как свидетельство: демографический срез пяти веков

Мир водской деревни накануне катастрофы

Заключение: Пауза, которая была отсрочкой

Под оккупацией: Принудительное выселение в Эстонию (1943)

Приказ из Гатчины: создание «зоны безопасности»

Маршрут в неизвестность: от Пумалицы до тартуских хуторов

Жизнь на чужой земле: вожане на эстонских хуторах (1943—1944)

Документирование трагедии: списки, акты и свидетельства

Исчезновение Водской земли: последствия депортации 1943 года

В финские лагеря: Эвакуация 1944 года и новый исход

Финский берег: Первые впечатления и распределение

Лагеря Оулу и Каяани: Огороженный быт

Дiasпора в изгнании: Попытки сохранить своё
Осень 1944: Перемирие и новая тень страха

Запрет на возвращение: Рассеяние по СССР (1945—1956)

Политическое решение: Почему нельзя вернуться

Механизм рассеяния: От лагерей — на спецпоселения

Борьба за возвращение: Подпольные ходоки и коллективные письма

1956 год: Оттепель, не растопившая лёд полностью

Итог изгнания: Демографическая катастрофа и точка невозврата

Цена изгнаний: Утрата языка, культуры и идентичности

Язык как первая жертва: механизмы угасания

Демографическая катастрофа: от тысяч к единицам

Утраченный мир: материальная и нематериальная культура

Очаги памяти: современные попытки сохранения и ревитализации

Почему это важно: уроки двух изгнаний

Эпилог: Память, наследие и будущее народа водь

Очаги сопротивления забвению: Ревитализация языка и культуры

Память места: От исторической родины к «малой родине» в изгнании

Уроки двух изгнаний: История как предостережение

Будущее как диалог: Культурное наследие в глобальном мире

Введение: Народ водь и его забытая история

На северо-западной оконечности России, там, где Финский залив образует мелководный залив Луги и где сосновые боры Сойкинского полуострова выходят к холодным балтийским волнам, жил народ, чьё имя сегодня известно лишь узкому кругу историков и энтузиастов. Водь. Один из древнейших автохтонных народов этой земли, финно-угорский осколок, чья история измеряется не столетиями, а тысячелетиями. Сегодня, по самым оптимистичным оценкам, на планете остаётся лишь один исконный носитель водского языка. Народ, который пережил две катастрофы, разделённые пятью веками, но схожие в своей разрушительной сути: изгнание с родной земли.

Эта книга — попытка реконструкции, документирования и осмысления трагической диахронии, повторяющегося паттерна в судьбе народа водь. В 1444 году, в разгар средневековых конфликтов на «языческой границе», рыцари Ливонского ордена угнали часть вожан из-под стен русской крепости Копорье в далёкую Курляндию. Их потомки, известные в Латвии как кревины, сохраняли свой уникальный диалект вплоть до конца XX века. А спустя ровно пять столетий, в 1943—1944 годах, водь пережила новое, куда более масштабное и документированное изгнание: сначала принудительное выселение немецкими оккупантами в Эстонию, затем эвакуацию в Финляндию и, наконец, насильственное рассеяние по просторам послевоенного СССР с запретом возвращаться домой до 1956 года.

Два исхода. Две травмы, нанесённые одним и тем же народом, но разными империями и в разные эпохи. Эта книга задаётся вопросом: является ли такое совпадение зловещей исторической случайностью или закономерностью, к которой особенно уязвимы небольшие народы, живущие на стратегически важных пограничьях? Чтобы ответить на него, мы должны не просто констатировать факты, но погрузиться в контекст, услышать голоса и восстановить маршруты.

Цель и методология исследования

Написание истории народа, не имеющего собственной письменной традиции и государственности, — задача сложная и кропотливая. Она напоминает археологическую реконструкцию разбитого сосуда, черепки которого разбросаны по архивам нескольких стран. Поэтому методологическая основа этого исследования принципиально междисциплинарна и строится на трёх ключевых опорах.

Во-первых, это работа с архивными документами. Немецкие, ливонские, русские, шведские, финские и советские архивы хранят упоминания о вожанах, зачастую случайные и косвенные, но оттого не менее ценные. От приказа магистра Ливонского ордена 1445 года, где мелькает термин «wottische gefangene» (водские пленные), до отчётов финских чиновников о лагерях для перемещённых лиц в Оулу и Каяани, и секретных постановлений советских органов о расселении «репатриантов» в 1945—1947 годах. Каждый такой документ — островок твердой почвы в море умолчаний.

Во-вторых, это данные археологии и топонимики. Курганы и жальники Водской пятины, остатки древних поселений на Сойкинском полуострове и в районе реки Луги безмолвно свидетельствуют о глубине и устойчивости водского присутствия на этой земле. Названия деревень, рек, урочищ — «Котлы», «Лужицы», «Пумалица» — несут в себе пласты водской, ижорской и русской истории, словно геологические напластования.

В-третьих, и это особенно важно для новейшего периода, — устные свидетельства и воспоминания. В 1990-е и 2000-е годы этнографам и лингвистам, таким как Татьяна Агранат и Мехмет Муслимов, удалось записать интервью с последними носителями языка и культуры, заставшими изгнание 1940-х. Эти личные истории, полные бытовых деталей, страха, тоски и надежды, превращают сухую статистику депортации в живую человеческую трагедию.

История малых народов часто пишется на полях больших исторических нарративов. Наша задача — аккуратно собрать эти маргиналии и сделать их центральным текстом.

Народ водь: Краткий этнолингвистический портрет

Кто же они, вожане? Водь (самоназвание *vaddalaizōd*, *vad'd'alain*) — финно-угорский народ, ближайшими родственниками которого являются эстонцы, ливы, ижорцы и финны. Их язык относится к южной группе прибалтийско-финских языков и является уникальным хранилищем архаичных черт, возможно, восходящих к языку древнего населения этих мест ещё до прихода славян. Внешне, судя по описаниям путешественников XIX века и фотографиям начала XX, вожане отличались светлыми волосами и глазами, невысоким, крепким телосложением. Традиционный женский костюм, особенно знаменитый головной убор «пайкас» или «саппано», богато украшенный бисером и монетами, был ярким этническим маркером.

Основой хозяйства испокон веков было сельское хозяйство на бедных суглинках и песчаных почвах Ингерманландии: трёхполье с упором на рожь и ячмень, животноводство, рыболовство в богатых рыбой прибрежных водах и заливах. Вожане славились как искусные плотники и строители лодок. Их мировоззрение, долго сохранявшее языческие пережитки даже после формального крещения в православие, было тесно связано с природой: почитались священные рощи, камни, источники.

Именно эта глубокая связь с конкретной, очерченной землёй — не абстрактной родиной, а конкретными деревнями, полями, лесами и берегами — делает изгнание для воежан травмой не только социальной, но и экзистенциальной. Отрыв от этой почвы стал отрывом от корней, питавших язык, культуру и самоидентификацию.

Хронологические и географические рамки повествования

Историческое путешествие, которое предстоит читателю, охватывает более шести столетий — с XV по XXI век. Его пространственная динамика драматична и подобна вееру, раскрывающемуся из одной точки.

— Исходная точка: Историческая Водская пятина Новгородской республики, позже — Ингерманландия. Ядро — территория между реками Нарова и Луга, с эпицентрами вокруг Копорской крепости и на Сойкинском полуострове. Это земля-мать, откуда начинаются все пути-изгнания.

— Первый вектор (XV век): На запад, в Курляндию — область на западе современной Латвии. Небольшая группа угнанных вожан дала начало диаспоре кревинов, просуществовавшей в относительной изоляции до наших дней.

— Второй вектор (XX век): Сначала на запад, в Эстонию — внутренние районы страны вокруг Тарту и Вильянди. Затем — на северо-запад, через Балтийское море, в лагеря центральной и северной Финляндии (Оулу, Каяани). И наконец — мощный, принудительный разброс по СССР: на север (Архангельская, Вологодская области, Карелия), на юг (Новгородская, Псковская области) и обратно в Эстонию, но уже не как на историческую родину, а как на место административной ссылки.

Эта карта рассеяния — визуальное воплощение трагедии. От компактного, многовекового ареала — к хаотичным точкам на огромной карте, где водская идентичность была обречена на растворение.

Трудности и лакуны в изучении темы

Работа над этой темой сопряжена с рядом объективных трудностей, которые важно обозначить с самого начала. История водь — это история умолчаний. Они редко были субъектом большой истории, чаще — её объектом, пассивной жертвой обстоятельств.

— Скудость ранних источников. До XIX века вожан упоминают мимоходом, в контексте описаний войн, налогов или миссионерской деятельности. Их собственный голос, их восприятие событий для средневекового периода практически недоступны.

— Проблема идентификации. В русских, шведских и немецких документах вожан часто смешивали с ижорой, карелами или «чухной» вообще. Этническая статистика дореволюционного и даже советского времени грешила неточностями, а самоидентификация могла меняться под давлением обстоятельств.

— Идеологические фильтры XX века. Советская историография и этнография долгое время обходили молчанием болезненные темы депортаций военного и послевоенного времени. Тема сотрудничества с немецкими оккупантами (пусть и вынужденного) и эвакуации в Финляндию была табуирована, что привело к утрате множества свидетельств.

— Физическое исчезновение носителей. Каждый уходящий старик-носитель языка уносил с собой целый пласт неформализованного знания, семейных преданий, деталей быта и восприятия. Работа сегодня — это часто гонка со временем.

Мы будем честно указывать на эти лакуны, отмечать спорные моменты (как, например, точное количество угнанных в 1444 году) и отличать установленные факты от научных гипотез.

Почему эта история важна сегодня?

В эпоху глобализации и стирания этнокультурных границ история маленького народа, стоящего на грани исчезновения, может показаться маргинальным сюжетом. Это глубокое заблуждение. История народа водь — это не локальная, а универсальная история.

Это история уязвимости автохтонных культур перед лицом экспансий — военной, религиозной, идеологической. Это история того, как большая политика ломает судьбы малых сообществ, превращая их в разменную монету. Это, наконец, история невероятной жизнестойкости: несмотря на всё, водский язык ещё звучит, энтузиасты собирают слова и песни, а память о Краколье, Пумалице, Лужицах живёт в сердцах потомков.

Изучая механизмы этих двух изгнаний, мы лучше понимаем, как уничтожается культурное разнообразие человечества — не в результате стихийного бедствия, а в силу целенаправленных действий или преступного равнодушия. Помнить о вожанах — значит отдавать долг всем безгласным и забытым народам, чьи следы стёрты с карты, но чьё присутствие навсегда вписано в ландшафт и в глубинные слои нашей общей истории.

Ключевые выводы:

— Народ водь — древний автохтонный народ Ингерманландии, переживший два катастрофических изгнания в 1444 и 1943—1944 годах.

— Исследование основано на триаде методов: архивные документы, данные археологии/топонимики, устные свидетельства.

— Глубинная трагедия изгнаний — в разрыве нерасторжимой связи народа с его конкретной, одушевлённой землёй.

— География рассеяния води после 1945 года — наглядная карта культурной катастрофы.

— Изучение этой истории — способ понять универсальные механизмы уязвимости и сопротивления малых культур.

В следующей главе мы совершим путешествие во времени, чтобы понять, кого именно лишили родины в 1444 году. Мы погрузимся в мир Водской пятины периода расцвета, исследуем археологические находки, расшифруем первые летописные строчки и попытаемся представить себе жизнь, верования и социальный уклад вожан на их исконной земле до того, как клинок Ливонского ордена перечеркнул судьбу одной из их общин.

Корни у моря: Водь в истории Водской пятины до XV века

У восточного берега Балтийского моря, там, где Финский залив образует мелководные бухты и низкие, поросшие лесом берега, небо часто кажется придавленным к земле низкой, плотной облачностью. Серая вода, серые камни валунов, оставленных ледником, серый песок. В этой монохромной, суровой палитре на протяжении более тысячи лет существовал народ, чьё имя стало синонимом самой этой земли — водь. Сегодня их почти не осталось. Чтобы понять масштаб трагедии, приведшей их на грань исчезновения, необходимо отступить назад — за пределы грохота войны XX века и даже крестоносных походов Средневековья — к самым истокам, к тому моменту, когда этот народ обрёл своё имя в истории и стал неотъемлемой частью ландшафта Водской пятины.

Имя из летописи: первые упоминания

Самое раннее и ставшее классическим упоминание народа водь встречается в «Повести временных лет» в перечне племён, призвавших варягов: «...идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зьвуться свие, друзии же урмане, ангыляне, друзии гьте, тако и си». Далее летописец Нестор перечисляет: «Афетово же колѣно и то: варязи, свѣи, урмане, готѣ, русь, аглянѣ, галичанѣ, волохове, римлянѣ, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии...». И здесь, в составе народов «Афетова колена», мы находим загадочное слово «**ВОДЬ**».

«Водь» — это не просто этноним, это ключ, открывающий дверь в мир дославянского, доновгородского населения Северо-Запада. Это имя, под которым финно-угорское население южного побережья Финского залива вошло в общеевропейскую историографию.

Но летописное упоминание — лишь вершина айсберга. За ним стоит длительный процесс этногенеза, уходящий корнями в первые века нашей эры. Археологические данные рисуют картину сложного взаимодействия. На этих землях, начиная с рубежа эр, сосуществовали и смешивались две мощные культурные традиции: культура каменных могильников с ящиками (принесённая, предположительно, предками эстов с западного побережья) и культура пришедших с востока и юго-востока финно-угорских племён, в том числе предков ижоры и велсов. Водь, скорее всего, сформировалась как народность именно на этой границе — в результате симбиоза пришлого западно-финского населения и местного субстрата. Уже к IX — X векам археологи фиксируют здесь сложившуюся и стабильную культуру, для которой характерны специфические женские украшения — шумящие подвески, спиральные перстни, браслеты с завязанными концами.

Водская пятина: административный каркас родины

Расцвет и институциональное оформление земли води пришлись на период Новгородской республики. Для управления огромными территориями Новгород делил их на пятины. Одна из них, охватывавшая земли к западу и юго-западу от озера Ильмень вплоть до реки Луги и Нарвы, получила название **Водской пятины**. Это не было случайностью. Пятина называлась не по городу или географическому объекту, а по народу, её населявшему. Само название «Водская пятина» впервые упоминается в документе 1137 года — в Уставной грамоте князя Святослава Ольговича, где говорится о дани с «Водьской земли».

Территория пятины была обширна и включала в себя несколько ключевых регионов, ставших колыбелью и крепостью водской культуры:

- Сойкинский полуостров (водск. Soikkola): выступающий в Финский залив к северу от устья Луги, он был изолированным и консервативным миром, дольше всех сохранявшим древние обычаи и язык.
- Копорское плато с мощной каменной крепостью Копорье: стратегический центр, контролировавший пути из Новгорода к морю.
- Бассейн реки Луги: плодородные земли, где водь активно занималась земледелием.
- Побережье Нарвской губы.

Водская пятина не была моноэтничной. Здесь жили и новгородские словене, эсты, ижора и карелы, и позднее — финские колонисты. Но именно водь составляла автохтонное ядро, ту первооснову, на которую накладывались последующие миграционные волны. Писцовые книги XV — XVI веков, составлявшиеся московскими властями после присоединения Новгорода, пестрят водскими названиями деревень, погостов, озёр и рек. Эти документы — бесценный источник, позволяющий не только определить ареал расселения, но и реконструировать социальную структуру. Водь не была однородной массой. Среди вожан были и свободные крестьяне-общинники, платившие дань, и феодально-зависимые «половники», работавшие на господскую землю за долю урожая, и даже своя знать — так называемые **«водские большие люди»**, выполнявшие административные и военные функции для Новгорода.

Хозяйство, вера и быт у моря

Жизнь вожан была неразрывно связана с морем, лесом и пашней. Это определило три столпа их экономики.

Море давало рыбу. Балтийская сельдь, салака, сиг были основой рациона и важным товаром для обмена. Рыболовство было не просто промыслом, а глубоко ритуализированной деятельностью, регулируемой общинными нормами.

Лес давал пушнину, мёд и строительные материалы. Охота на белку, куницу, бобра приносила ценные меха, бывшие главной статьёй новгородского экспорта и, соответственно, источником дани для воды. Бортничество — сбор мёда диких лесных пчёл — также было важным промыслом.

Земля давала хлеб. Несмотря на бедные подзолистые почвы и суровый климат, водь активно занималась подсечно-огневым, а затем и трёхпольным земледелием, выращивая рожь, ячмень, овёс, репу.

Духовный мир дохристианской воды реконструируется с большим трудом, по крупницам, через археологические находки и поздние этнографические записи. Известно, что они поклонялись духам-хозяевам мест — лешим (*метсйн изанд*), водяным (*веен изанд*), покровителям дома и хозяйства. Особое место занимал культ священных камней и деревьев. Один из таких культовых камней — «**Святой камень**» у деревни Иципино на Сойкинском полуострове — почитался местным населением вплоть до XX века. Христианство, проникавшее сюда из Новгорода с XII — XIII веков, долгое время было лишь тонким слоем, нанесённым на мощный пласт языческих верований. Водь принимала крещение, строила церкви (часто на местах древних капищ), но продолжала тайно соблюдать старые обряды, особенно связанные с аграрным циклом и рыбной ловлей.

Лица из небытия: персональная история воды

История малых народов часто безлична. Но документы донесли до нас имена конкретных людей, выхваченных лучом света из тьмы столетий. Писцовые книги и акты позволяют увидеть водь не как абстрактную этническую единицу, а как сообщество живых личностей.

В писцовой книге Водской пятины 1500 года упоминается, например, «**Петрушка Оникеев**», сын старого Оникея, житель деревни в Копорском погосте. Он держит двор, пашет землю и платит оброк. Он — один из тысяч, чей повседневный труд создавал благосостояние этой земли.

Более яркая фигура — **Матвей Водский (Mattu Westholae)**. В шведских налоговых документах XVII века, когда эти земли уже отошли Швеции, он фигурирует как зажиточный крестьянин, староста (**gammal**) своей деревни. Он выступает посредником между шведской администрацией и односельчанами, отвечает за сбор налогов, владеет значительными наделами. Матвей Водский — пример той самой водской «большой семьи», местной элиты, которая сумела адаптироваться к смене власти и сохранить свой статус.

А вот имя **Ивашки Водского** встречается в новгородской берестяной грамоте №590, найденной в Старой Руссе и датируемой концом XIV века. В грамоте некто Григорий обвиняет Ивашку Водского в том, что тот «повоевал» его село. Этот короткий, но яркий текст свидетельствует о вовлечённости вожан не только в хозяйственную, но и в военно-политическую жизнь региона, о существовании конфликтов и механизмов их разрешения.

Археология как голос предков

Письменные источники молчат о самых ранних страницах. Здесь в дело вступает лопата археолога. Раскопки курганов и грунтовых могильников X — XIII веков в районе деревень **Корвино, Ратчино, Лужицы** на Сойкинском полуострове дали бесценный материал. Захоронения по обряду ингумации (труположения) с характерным инвентарём позволяют говорить о сложившейся похоронной практике.

Особый интерес представляют находки **женских погребений**. Они буквально «звонят» историей: шумящие подвески в виде уточек или коньков, спиральные серёжки, ожерелья из бронзовых спиралек и стеклянных бус. Эти украшения не были просто красотой. Они выполняли функцию оберегов, а их специфические формы были маркером этнической принадлежности. Сравнительный анализ показывает их близость к древностям эстов и ливов, что подтверждает западное происхождение компонента в формировании води.

Не менее информативны исследования **селищ** — остатков неукреплённых деревень. Анализ найденных там орудий труда (серпы, косы-горбуши, рыболовные крючки и грузила), предметов быта (лепная и гончарная керамика с характерным орнаментом) позволяет реконструировать повседневную жизнь с удивительной детальностью. Мы можем понять, какую рыбу они ловили (по костным остаткам), какие злаки выращивали (по отпечаткам зёрен на керамике и находкам серпов), как строили свои срубные дома.

Накануне бури: водь к середине XV века

К моменту, когда на историческом горизонте появилась зловещая тень Ливонского ордена, водь представляла собой сложившуюся, устойчивую народность с чёткой территорией, экономическим укладом и самоидентификацией. Они были интегрированы в систему Новгородской республики, несли военную службу (известны как отличные разведчики и проводники в лесисто-болотистой местности), платили налоги, постепенно принимали православие, но при этом сохраняли свой язык, многие обычаи и мифологию.

Их земля — Водская пятина — была лакомым куском. Через неё проходили торговые пути из Новгорода в Балтику. Она была плодороднее северных земель. И, что важно для крепостнощесов, её население, несмотря на формальное крещение, в массе своей всё ещё воспринималось как «полуязыческое». Водь жила на самой границе — не только политической между Новгородом и Орденом, но и цивилизационной, религиозной. Эта пограничность сделала их крайне уязвимыми.

Район Копорья и Сойкинский полуостров стали эпицентром водского мира не случайно. Это были труднодоступные, легко обороняемые территории, естественные заповедники культуры. Здесь, среди глухих лесов и на пустынных берегах, сохранялось то, что в более открытых местах уже размывалось. Именно сюда, в этот древний сакральный и хозяйственный центр, будет нацелен первый сокрушительный удар извне, который вырвет часть народа из его колыбели и отправит в неизвестность.

— Водь — автохтонный финно-угорский народ, сформировавшийся на южном побережье Финского залива к IX — X векам в результате смешения западных и восточных финно-угорских групп.

— Название «Водская пятина» Новгородской республики прямо указывает на водь как на государствообразующий народ этой территории.

— Хозяйство водь основывалось на триаде: рыболовство (море), охота и бортничество (лес), земледелие (пашня).

— До христианства религиозные представления водь включали культ духов-хозяев мест, священных камней и деревьев, что долго сохранялось и после крещения.

— Археологические находки (курганы, селища, украшения) являются основным источником по ранней истории водь и подтверждают её уникальную материальную культуру.

— К середине XV века водь была консолидированной народностью, интегрированной в Новгород, но жившей на опасной религиозной и политической границе.

Мир, выстроенный веками у серых балтийских вод, оказался хрупким. В 1444 году эта граница взорвалась насилием. Из своих укрепленных замков на западном берегу Наровы выдвинулись тяжело вооруженные братья-рыцари Ливонского ордена. Их целью были не столько земли, сколько «живой товар» — люди, чей труд можно было использовать на дальних полях Курляндии. Начался первый, средневековый исход, и в документах ордена скоро появится сухая, страшная запись: «wottische gefangene» — водские пленные.

Первый исход: Ливонский орден и угон в Курляндию (1444)

Перед рассветом 1444 года, в туманах, стелющихся над лугами Водской пятины, происходило нечто, ещё не осознанное как трагедия исторического масштаба. Ливонский орден — военно-монашеское государство, оцетинившееся каменными замками по берегам Балтики, — совершал очередной рейд за «языческой добычей». Но на этот раз добычей стали не только скот и зерно, а сами люди. Длинной вереницей, скованными партиями, мужчин, женщин и детей гнали на запад, прочь от приневских лесов и рек их предков. Так начался первый исход, который разорвал древний народ надвое и создал в сердце Курляндии загадочную этническую группу — крвинов, живую тень исчезнувшей Водь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.